

ріоды, которые состоять изъ одинакового количества мелодическихъ строкъ (обыкновенно двухъ, трехъ), имѣютъ одинаковое построение и слѣдуютъ одинъ за другимъ въ правильномъ и однообразномъ порядке. Въ болгарскомъ роспѣвѣ всюду замѣтень музикальный размѣръ въ $\frac{4}{4}$, при чёмъ надъ каждымъ слогомъ текста полагается одна или двѣ цѣлыхъ ноты въ простомъ или же раздробительномъ видѣ, а надъ слогомъ съ ударениемъ не менѣе двухъ цѣлыхъ же. Распространеніе мелодій происходитъ чрезъ прибавку, а сокращеніе чрезъ убавку также непремѣнно цѣлыхъ нотъ; ибо въ противномъ случаѣ нарушилась бы правильная послѣдовательность означенного размѣра.

II. Достоинство юго-западныхъ напѣвовъ Православной Русской Церкви, какъ пѣнія богослужебнаго.

Уже продолжительное разображеніе юго - западной Православной Русской Церкви въ XVI—XVIII вѣкахъ съ великороссійскою Церковію неминуемо должно было сопровождаться нѣкоторыми разностями въ ихъ богослужебной практикѣ. Но сверхъ того юго-западная Церковь во все это время была борима, какъ известно, католическою *унією*, покровительствуемою явно или тайно мѣстными гражданскими, а иногда и духовными властями; при чёмъ церковные обряды и христіанскіе обычаи, а иногда и богослужебныя книги и даже богословская мысль въ ученыхъ трудахъ того времени, не чужды были западнаго католическо - уніатскаго вліянія¹⁾. Юго - западное церковное пѣніе имѣть, какъ мы видѣли, также нѣкоторая особенности отъ пѣнія, бывшаго въ Великой Россіи до половины XVII вѣка. Отсюда въ Великой Россіи въ первое же время появленія въ ней юго - западныхъ напѣвовъ, способовъ и приемовъ пѣнія (въ половинѣ XVII в.), среди ревнителей русской церковно-обрядовой старины возникли сомнѣнія относительно чистоты православія и богослужебныхъ достоинствъ юго-западнаго пѣнія, а съ другой стороны опасенія, не служить ли оно въ рукахъ

¹⁾ См. напр. „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“ И. Чистовича. Спб. 1884 г., ч. 2, стр. 349—353 и др.

приверженцевъ латинства средствомъ склонять православныхъ къ Унії¹). Сомнѣнія эти и опасенія повели старообрядцевъ къ порицанію юго-западнаго пѣнія, къ отверженію роспѣвовъ *кіевскаго* и *болгарскаго*, принесенныхъ въ Великую Россію юго-западными пѣвцами, и къ наибольшему ихъ отчужденію отъ Православной великороссійской Церкви, усвоившей это пѣніе и совмѣстившей оное при богослуженіи съ старымъ знаменнымъ роспѣвомъ, а беспорядки при исполненіи композицій Галуппи, Сарти, Карцелли, еще болѣе вооружили ихъ противъ этого пѣнія. («Средства къ улучшенію церковнаго пѣнія», В. Ф. Комарова. М. 1890 года, стр. 8 (Прав. Обозр., мартъ 1890 г.).

Но недоразумѣнія относительно юго-западнаго церковнаго пѣнія и донынѣ никакъ еще не разсѣяны, такъ что и нынѣ не безполезно коснуться вопросовъ о томъ: 1) православно ли юго-западное церковное пѣніе; 2) сохраняетъ ли оно достоинства истинно богослужебнаго пѣнія; 3) находится ли въ связи съ древнимъ пѣніемъ Православной Церкви, и 4) не заключаетъ ли въ себѣ дѣйствительно элементовъ общихъ съ пѣніемъ инославно-западнымъ, особенно же католическимъ, и не подготавляетъ ли пути къ инославію?

Православно ли богослужебное пѣніе юго-западной русской Церкви?—Вопросъ о православіи того или иного рода церковнаго пѣнія самъ по себѣ не имѣть важнаго значенія, ибо сочетаніе звуковъ въ мелодіи не заключаетъ въ себѣ догматовъ вѣры, ни нравоученія, и древнею Православною Церковью опредѣленно не установлено. Онъ, какъ архитектура, иконопись и изящная рѣчь, вращается лишь въ области человѣческихъ искусствъ и служить средствомъ для выраженія религіознаго чувства христіанъ и для устроенія виція благолѣпія церковнаго, тогда какъ *православіе* и *инославіе* заключаютъ въ себѣ точно опредѣленныя понятія о впрѣ и ея исповѣданіи.

Пѣніе и музыка, какъ искусство человѣческое, какъ выраженіе идеи разума, имѣть и происхожденіе человѣческое, а не богооткровенное. Оно и возникло («пѣвница и

¹⁾ Этому пѣнію противилось въ началѣ XVII в. Киевское братство, называя его *проклятымъ*; патр. Іосифъ, не одобравшій Никонова пѣнія особенно же старообрядцы.

гусли») и употреблялось первоначально даже не въ благочестивой и Богомъ избранной части народа Божія (Быт. 4, 21) и никогда не было предметомъ богодохновенной проповѣди. Однакожъ, несмотря на это, пѣніе и инструментальное его сопровожденіе приняты для богослуженія при скиніи и въ храмѣ Соломоновомъ. Они были воплощеніемъ идеи красоты, служеніемъ Богу высшими духовными способностями человѣка, жертвою Богу благочестиваго или скрушенаго сердца и располагали слушателей къ благочестію и молитвенному настроенію. Подобное сему было и въ древней христіанской Церкви. Богослужебное ея пѣніе зиждется на языческой музыкальной системѣ *ладовъ*, которая прината Церковью и примѣнена къ церковнымъ напѣвамъ точно такъ же, какъ принято и примѣнено къ богослужебнымъ пѣснопѣніямъ языческое искусство стихотворной мѣрной рѣчи¹). При чемъ «пѣніе первенствующей Церкви было составлено изъ народныхъ мелодій различныхъ странъ, гдѣ было проповѣдано язычникамъ Евангеліе», и происходило въ разныхъ *родахъ*. Въ число основныхъ гласовъ церковнаго *осмогласія* приняты лады греческихъ племенъ (напр., дорійскаго), но не отвергнуты и лады малоазійскихъ симитическихъ племенъ (лидянъ и фригійцевъ). Допущены въ церковное употребленіе и всѣ дохристіанскіе *роды* пѣнія: *діатонический*, *хроматический* и *энгармонический*. Ибо христіанская религія «не была подобно язычеству национальною религіею, но какъ религія всѣхъ мѣсть и націй не имѣла никакого побужденія покровительствовать музыкальному вкусу того или другого отдельнаго народа въ ущербъ другимъ народамъ»²). Подобно сему и впослѣдствії (X—XV в.) «въ святой Софії константинопольской... патріархи благословляли напѣвы разныхъ народовъ (персовъ, франковъ, родосянъ...) и тѣмъ выражали каѳоличество Церкви Православной»³). Но если въ основаніе христіанскаго

1) Патр. Фотій говоритъ: „Мы пользуемся сочиненіями языческихъ авторовъ, въ которыхъ все баспословное и вымыщенное мы презираемъ, но охотно принимаемъ форму и искусство выраженія для развитія и расположенія нашихъ мыслей“. (Ad Amphilochium Quaestio 149. Mignet. 101.812 id.

2) „О греческой церковной музыкѣ. Муз. миссія въ Греціи и на Востокѣ“. Январь — май 1875 г., соч. Бурго - Дюкудрэ. Paris. 1887 г. См. Всеобщ. истор. музыки Фетиса (Fetis), т. 4.

3) „Первое путеш. въ Сипайскій монастырь архим. Порфирия въ 1845 году“, стр. 210—211.

пѣнія положенъ національный вкусы разныхъ языческихъ народностей, то впослѣдствіи и на развитіе его въ Церкви Христовой не малое вліяніе имѣло инославіе, при чмъ частію съ положительной, частію съ отрицательной стороны. Извѣстно, что еретики IV—VII вѣка увлекали на свою сторону народъ звучными стихами и сладкопѣніемъ. Въ противодѣйствіе имъ и пастыри Православной Церкви (нар., Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ и др.), составляли въ честь своихъ мучениковъ свои возвышенныя и умилильные пѣснопѣнія, полагали ихъ на напѣвъ, принятый еретиками, для употребленія при православномъ богослуженіи, и тѣмъ удерживали свою паству отъ обольщенія¹⁾), а съ другой стороны и сами составляли и приводили въ систему напѣвы. А такимъ образомъ искусство церковнаго пѣнія въ это время, служа средствомъ для выраженія благоговѣйныхъ мыслей и чувствъ народа, въ рукахъ пастырей Церкви являлось вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ оружиемъ для борьбы съ инославіемъ и для огражденія отъ него своей паствы.

Подобное сему двустороннее значеніе имѣть и пѣніе русской и въ частности юго-западной Православной Церкви. Древнерусское церковное пѣніе, хотя построется на основаніи древне-греческаго, но какъ въ напѣвахъ, такъ и въ нотаціи служить довольно самобытнымъ отъ него выраженіемъ русскаго духа и музыкального вкуса. Въ своеемъ складѣ и развитіи оно приняло мѣстный русскій характеръ и имѣть близкую аналогію съ древле-славянскимъ мірскимъ пѣніемъ, какъ въ ладахъ или *погласицахъ*, такъ частію и въ мелодическомъ движеніи²⁾). Практическая его услуга восточному православію въ Россіи также неизмѣрима, хотя еще и не выяснена достаточно путемъ историческимъ. Благолѣпное богослуженіе православныхъ русскихъ храмовъ, сопровождаемое *ангелоподобнымъ* пѣніемъ³⁾), искони представляло собою твердый оплотъ для православной Руси въ борьбѣ съ бездушнымъ древле-славянскимъ язычествомъ, и съ грубо-чувственнымъ магометанствомъ въ періодъ монгольского ига, и съ плѣняющимъ органною музыкою Западомъ.

1) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Разумовскаго, стр. 9—12.

2) См. „Различіе между ладами и гласами“ и проч. Статья кн. В. Ф. Одоевскаго, читанная на Москов. Археолог. съѣздѣ. Москва, 1871 г.

3) Степен. кн. I, стр. 224.

А такимъ образомъ и пѣніе юго-западной Православной Церкви, хотя бы носило характеръ пѣнія мѣстнаго, юго-западнаго, хотя бы приняло въ себя нѣкоторые элементы инославнаго мѣстнаго же пѣнія, не можетъ лишь по этимъ причинамъ считаться неправославнымъ и быть изъятымъ изъ употребленія на клиросахъ Русской Православной Церкви. Оно въ свое время служило живымъ выраженіемъ религіознаго чувства юго-западныхъ православныхъ христіанъ, а съ другой стороны въ ихъ рукахъ, какъ и пѣніе древней Церкви IV—VII. вѣковъ, въ періодъ борьбы православія съ католицизмомъ и его унію, было однимъ изъ важныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ охраненію православія на юго-западѣ Россіи отъ увлеченій инославнаго органическимъ и вообще болѣе художественно развитымъ западнымъ пѣніемъ¹⁾). А такимъ образомъ оно должно быть высоко цѣнено Православною Церковію не только какъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ охраны православія, но и какъ важный историческій памятникъ судьбы православія русской Церкви на ея юго-западной окраинѣ.

Сохраняетъ ли въ себѣ юго-западное церковное пѣніе достоинства истинно богослужебнаго пѣнія?—Изъ служебно-религіознаго значенія церковнаго пѣнія и изъ пріемъровъ древней Церкви, однако же, выясняется, что не всякое пѣніе можетъ быть допущено при церковномъ богослуженіи. Не могли быть приняты Церковію мотивы пресыщенія и сладострастія языческаго религіознаго культа, ни безчинные и страстные вопли театра, ни ласкающіе слухъ или терзающіе душу звуки инструментальной музыки. Они не вытекали изъ благоговѣйнаго чувства и не вызывали его въ молящихся, не соотвѣтствовали содерянію церковныхъ пѣснопѣній и священнодѣйствій, чужды были уставнаго порядка православнаго богослуженія. Отцы древней восточной Церкви и церковно-богослужебная практика принимали извѣнѣ и допускали только то, что было сообразно съ духомъ христіанской Церкви и ся богослуженія, иное преобразовывали, иное совсѣмъ отвергали, иное же созидали сами, такъ что со

¹⁾ Въ 1571 г. іезуиты въ Вильнѣ, завладѣвъ костеломъ св. Яна, украстили его иконами, ризницею, завели *отличный органъ и хоръ пѣвчихъ*, и начали совершать богослуженіе съ невиданнымъ дотолѣ великолѣпіемъ, которое привлекало громадное число молящихся всѣхъ вѣроисповѣданій. Истор. русск. церкви преосв. Макарія, т. IX, стр. 357—359.

временемъ въ Православной Церкви характеръ церковнаго пѣнія опредѣлился ясно, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникли: особый церковно-пѣвческий обычай и преданіе и, наконецъ, установилась особая система церковнаго пѣнія.

Требованія древней Церкви относительно церковно-богослужебнаго пѣнія довольно опредѣленны и ясны¹⁾. И прежде всего оно должно быть *поучительно*, а потому *внятно и вразумительно*. Эти же свойства имѣеть и пѣніе юго-западной Православной Церкви по ея ирмологамъ XVII и XVIII вѣковъ. Пѣніе это излагается въ нихъ въ одну строку *одноголосно* и потому позволяетъ ясно слышать слова выпѣваемаго текста. Самый текстъ въ юго-западныхъ нотно-линейныхъ книгахъ не имѣеть прибавочныхъ, не принадлежащихъ ему словъ и слоговъ (попѣвокъ: аненайни, хабува и т. п.), находящихся въ такомъ изобиліи въ древнемъ нашемъ *кондакарномъ* и впослѣдствіи въ *хомовомъ* пѣніи, и не затмняется ими. Мелодій, заключающіяся въ юго-западныхъ ирмологахъ, къ какому бы роспѣву онъ ни принадлежали, и въ своемъ удареніяхъ, и въ дѣленіи на мелодическія строки, и въ мелодическомъ движениіи примѣнены къ мысли и словесному составу текста, который, очевидно, имѣлъ главное значеніе при пѣніи. Мелодія въ нихъ не имѣеть самостоятельнаго значенія, но лишь содѣйствуетъ ясному, раздѣльному и отчетливому выраженію мысли и текста.

Церковное пѣніе съ другой стороны должно быть *благоговѣйное, безстрастное и важное* по своему характеру, но *религиозно-выразительное*. А таково же и пѣніе, изложенное въ юго-западныхъ ирмологахъ. Оно есть пѣніе *неторопливое, умилильное, торжественно-праздничное* и всюду дышетъ чувствомъ религиознаго *благоговѣнія*. Видъ пѣнія сокращенного или *дневнаго*, хотя въ юго-западныхъ ирмологахъ имѣеть полное *осмолгласіе*, именно въ пѣснопѣніяхъ «Богъ Господь» и «Господи воззвахъ» (Ирм. 1709 г.), но выражено протяженными нотами и къ другимъ пѣснопѣніямъ во всемъ годичномъ кругѣ церковнаго пѣнія почти не имѣеть приложенія. Всѣ они поются умилильно, или же торжественно-протяженными напѣвами.—Что касается религиозной

1) См. „О церков. пѣніи Прав. Греко-Россійск. Церкви“. Кіевъ. 1887 г., § 1.

выразительности напѣвовъ, то въ пѣснопѣніяхъ знаменаго роспѣва, имѣющихся въ юго-западныхъ ирмологахъ, удерживаются всѣ тѣ свойства, которыя принадлежатъ имъ и по безлинейнымъ великорусскимъ и южнорусскимъ рукописямъ. Пѣснопѣнія же *кіевской* и *балгарской* роспѣвовъ своими мотивами еще рельефнѣе выражаютъ весело торжественный, или же глубоко-скорбный характеръ празднуемыхъ Церковю событий. Живымъ доказательствомъ выразительности *кіевского* пѣнія служать нынѣ древнее пѣніе въ лаврахъ Кіевской и Почаевской, а также всюду известные напѣвы чина погребенія и панихиды *кіевского* роспѣва. Въ примѣръ выразительности *болгарского* роспѣва укажемъ на тріумфальную торжественность мелодіи канона *Вѣханію* и на глубокую скорбь души, выраженную въ пѣснопѣніи на цѣлованіе плащаницы: «Тебе одѣющагося» и другихъ подражательныхъ ему пѣснопѣніяхъ. Въ техническомъ отношеніи юго-западное пѣніе нельзя назвать вполнѣ *простымъ*. Оно сложнѣе, искусственнѣе и художественнѣе не только *простаго обычного* пѣнія, сохраняемаго устнымъ преданіемъ, но иногда и древняго знаменаго пѣнія, известнаго намъ изъ безлинейныхъ рукописей и нотныхъ книгъ синодального изданія. Иногда оно носить на себѣ печать глубокаго знанія музыкально-вокальнаго искусства и высокаго поэтическаго воодушевленія составителей церковныхъ мелодій. Но при всемъ томъ оно *удобопонятно* и *удобоппляемо* для клиросныхъ пѣвцовъ и не требуетъ отъ нихъ специальной технически-научной подготовки. При томъ юго-западное пѣніе въ ирмологахъ чуждо всякой искусственной выразительности. Ни въ одномъ Ирмологѣ и ни въ одномъ пѣснопѣніи мы не встрѣчаемъ знаковъ экспрессіи, свойственныхъ пѣнію партесному. Ни въ мелодическихъ оборотахъ, ни въ отдельныхъ звукахъ не встречается также театральности, эффекта, крикливости, сентиментальности, равно и музыкальныхъ тонкостей, свойственныхъ иностранной, хотя бы и церковной, музикѣ.

Церковное пѣніе, наконецъ, должно быть сообразно уставному порядку православнаго богослуженія. И юго-западное пѣніе вполнѣ соответствуетъ этому требованію. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мы видимъ совершенно тѣ же пѣснопѣнія и тотъ же порядокъ богослуженія, которые переданы древнею Восточно-Православною Церковю и до нынѣ

сохраняются въ ней. Пѣснопѣнія въ ихъ мелодіяхъ примѣнены къ православному богослуженію и священнодѣйствіямъ въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онъя совершаются и до нынѣ во всей Православной Русской Церкви. Къ особенностямъ юго-западныхъ ирмологовъ сверхъ того должно отнести еще то, что въ нихъ церковное пѣніе имѣеть при богослуженіи большее приложеніе, чѣмъ въ крюковыхъ рукописяхъ и въ богослужебной древле-русской практикѣ. Такъ въ богослужебной практикѣ «по старому обряду» пѣлись и поются только концы стиховъ «Господи воззвахъ» и концы воскресныхъ тропарей; псалмы же: «Хвалите имя Господне», а иногда и «На рѣкахъ вавилонскихъ» вовсе не пѣлись¹⁾. Въ юго-западныхъ же ирмологахъ, какъ и въ нашихъ сънодальныхъ изданіяхъ, пѣснопѣнія эти положены для пѣнія. Затѣмъ юго-западное пѣніе особенно въ подобнахъ имѣеть большее соотвѣтствіе съ предписаніями Церковнаго Устава и богослужебныхъ книгъ, чѣмъ пѣніе великорусское, крюковое ли то, или нотно-линейное. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мы видимъ значительно болѣе распѣтыхъ нотно подобновъ, чѣмъ въ великорусскихъ пѣвчихъ книгахъ. Подобны тамъ распѣты двояко: одни изъ нихъ, именно подобны для стихиръ, заимствованы изъ знаменнаго роспѣва, другіе же, не имѣющіеся въ знаменныхъ пѣвчихъ книгахъ, но указываемые богослужебными книгами, распѣты болгарскимъ роспѣвомъ. Таковы особенно подобны тропарей и богородичныхъ, нѣкоторыхъ кондаковъ и икосовъ, а также пѣснопѣній сѣдальныхъ²⁾). Вообще въ нихъ распѣты нотно всѣ подобны, указываемые въ богослужебныхъ книгахъ. Не распѣты же изъ нихъ только подобны свѣтильникамъ, не имѣющіе въ Октоихѣ и Минеяхѣ надписанія гласа, или другихъ какихъ либо указаній относительно ихъ пѣнія.

Находится ли юго-западное церковное пѣніе въ связи съ древнимъ пѣніемъ восточной Православной Церкви?— Самая Унія, какъ известно, вводимая католиками на юго-западѣ Россіи съ конца XVI вѣка, состояла не въ измѣ-

¹⁾ Ср. „Кругъ ц. др. зп. пѣнія“, изд. О. Л. Д. П. Спб. 1884—5 г.

²⁾ Въ сънодальныхъ изданіяхъ подобны стихиръ распѣты знаменныи и кievскими роспѣвомъ, троари воскресны — чешескими роспѣвомъ, а для пѣнія сѣдальныхъ пѣснопѣній изложено по одному образцу болгарскою роспѣва.

неній существующаго въ Православной Церкви содерянія и порядка богослуженія, а главнымъ образомъ въ призна-ніи главенства папы и въ административномъ подчиненіи христіанъ восточного исповѣданія римскому престолу и іерархіи. Да и православные съ своей стороны склонялись на Унію не иначе, какъ подъ условіемъ дозвolenія имъ отправлять богослуженіе на славянскомъ языку по обря-дамъ Церкви восточной. Въ 1595 г. Поцѣй и Терлецкій, представивъ папѣ грамоты о подчиненіи западно-русской Церкви римскому престолу, свободу отправленія богослу-женія выговорили какъ необходимое условіе: «да по своему греческому обычаю *службу и пѣніе* въ церквахъ своихъ правятъ и свята по старому календарю» ¹⁾). Послѣдующія затѣмъ обстоятельства дѣйствительно показываютъ, что въ обрядовомъ богослуженіи уніатскихъ и православныхъ хра-мовъ небыло никакихъ существенныхъ отличій, какъ нѣть ихъ нынѣ въ богослуженіи русскихъ единовѣрческихъ церквей и храмовъ поповицкой секты. Такъ мы не видимъ, чтобы кто нибудь изъ православныхъ юго-запада, хорошо зная-шихъ чинъ уніатского богослуженія, порицалъ уніатовъ за измѣненіе и искаженіе ими церковныхъ обрядовъ и пѣнія. Храмы, церковная утварь, иконы и богослужебныя книги переходили отъ православныхъ къ уніатамъ и отъ уніатовъ къ православнымъ, не требуя при этомъ никакихъ особыхъ примѣненій къ богослуженію. Тѣмъ менѣе могло подлежать измѣненіямъ церковное пѣніе, какъ искусство, чуждое вѣ-роисповѣдныхъ разностей востока и запада. Изъ отсутствія споровъ объ этомъ предметѣ между уніатами и православ-ными и молчанія исторіи мы вправѣ заключать, что бо-гослужебное пѣніе въ уніатскихъ храмахъ и въ храмахъ православныхъ, особенно въ началѣ Уніи, было одно и то же, и развѣ уніаты не принимали только нѣкоторыхъ до-полнительныхъ наимѣнований славянскихъ и греческихъ, вве-денныхъ православными юго-западными братствами уже въ продолженіе периода борьбы съ Унію, какъ не принимаютъ донынѣ нашего греческаго роспѣва или Мелетіева перевода.

¹⁾ И. С. Л. П. 362. Многія изслѣдованія согласно показываютъ, что до 1720 г., „Текстъ уніатскихъ богослужебныхъ книгъ уцѣлѣлъ удивитъ образомъ даже въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ римская церковь принципиально раз-ходится съ учениемъ Православной Церкви. См. напр. Церк. Вѣд. 1892 г. № 19, стр. 716. „Объ исхожденіи Св. Духа“.

Такъ было въ противномъ лагерѣ, склонномъ на сторону враждебнаго восточному православію католицизма. Но еще тщательнѣе охранялось православно восточное обрядовое богослуженіе въ православной части юго-западныхъ христіанъ. Опасность сплотила ихъ около нѣсколькихъ центръвъ — православныхъ братствъ, которые, опираясь на древнее преданіе русской Церкви, а также на главные и древніе пункты и, такъ сказать, первоисточники восточнаго православія, съ неимовѣрною стойкостію выдерживали продолжительную, упорную и систематическую борьбу съ могущественнымъ тогда католицизмомъ. Для устроенія чина церковнаго и порядка монастырской жизни, для исправленія богослужебныхъ книгъ, исправленія и пополненія церковнаго пѣнія они заводили сношенія съ славянами придунайскими, съ греками и съ аѳонскими монастырями. А такимъ образомъ не только сами они вступили на вѣрный путь, но были указателями его и первоводителями и для всей Великой Россіи, которая со временемъ патріарха Никона нашла этотъ путь къ единенію съ православными церквами востока и къ исправленію своей богослужебной практики самымъ прямымъ и надежнымъ. Юго-западная православная братства, напротивъ, не только чуждались заимствованій инославно-западныхъ, но и всячески противодѣйствовали имъ. Въ своихъ школахъ, положивъ въ основаніе обученія языки славянскій и греческій, они не хотѣли преподавать латинскаго языка¹⁾). О чистотѣ и цѣлости православія и восточной обрядности юго-западныхъ христіанъ свидѣтельствуютъ ихъ богослужебныя книги. Книги эти, печатанныя въ разныхъ типографіяхъ на юго-западѣ Россіи, самыми завзятыми великорусскими старообрядцами приводятся въ большомъ количествѣ въ числѣ доказательствъ излюбленныхъ ими обрядовыхъ частностей богослуженія²⁾), и слѣдовательно признаются неповрежденными. Подобное же достоинство православной древности имѣло и церковное пѣніе, и въ мелодическомъ его видѣ также никакъ не порицается³⁾). Западной и екзистенности церков-

1) Только лучшіе ученики кіевскихъ школъ посыпались въ высшія польскія и иностранныя училища. Чистовичъ. 327. 349.

2) См. напр. „Поморськіе отвѣты іеромонаху Неофиту“.

3) Мнимыми старообрядцами порицается собственно пѣніе „много-усугубляемое“, т. е. партесное. См. ниже.

наго пѣнія юго-западныя православныя братства противодѣйствовали составленіемъ и распространеніемъ, а съ 1700 г. и печатаніемъ ирмологовъ, представляющихъ собою образцы восточного мелодически-храмового пѣнія, бездушному инструментальному сопровожденію напѣвовъ—одушевленное и стройное хоровое пѣніе съ участіемъ въ немъ народа, каковое пѣніе, по Гербинію, нося «образъ и духъ первоначальной христіанской Церкви», было «гораздо святѣе и величественнѣе», чѣмъ римское¹⁾.

Въ разъединеніи съ Московскимъ государствомъ православныя юго-западныя братства не обращались къ великорусской Церкви по предметамъ обрядового богослуженія, а въ частности и по предмету церковнаго пѣнія, и изъ ея богослужебной практики не дѣлали заимствованій. Ибо великороссійская Церковь не была первоисточникомъ православного богослуженія и имѣла обрядность, тождественную съ обрядностью юго-западной Церкви. Кромѣ того въ періодъ господства *Унії* на юго-западѣ Россіи сама она колебалась разными обрядовыми мнѣніями. Богослужебные ея книги и обряды, а равно и церковное пѣніе также имѣли не мало недостатковъ и нуждались въ исправленіяхъ.

Разматривая въ частности содержаніе церковнаго пѣнія по юго-западнымъ ирмологамъ, мы видимъ, что оно дѣйствительно опирается на твердыхъ началахъ восточной Православной Церкви и состоитъ, какъ и пѣніе древней христіанской Церкви, въ *совмѣщеніи* напѣвовъ разныхъ народовъ восточного исповѣданія. Юго-западная система совмѣщенія роспѣвовъ съ нѣкоторыми измѣненіями прината затьмъ со второй половины XVII вѣка и великороссійскою Церковью, но отвергнута старообрядцами, сомнѣвающимися въ православіи всѣхъ народовъ, кромѣ самихъ себя. Въ основаніе церковнаго пѣнія въ юго-западныхъ ирмологахъ положено *знаменное* или *столповое* пѣніе по древнему преданію русской Церкви и дополнено частію мѣстнымъ кievскимъ и греческимъ, а главнымъ образомъ *болгарскимъ* роспѣвомъ. Но въ ирмологахъ нѣть и слѣдовъ напѣвовъ, заимствованныхъ отъ инославнаго запада.

1) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 208—309.

Южно-русская редакция знаменного распева. Первымъ и главнымъ основаниемъ юго-западнаго пѣнія по юго-западнымъ нотно - линейнымъ ирмологамъ служить *столовое* пѣніе или *большой знаменный распевъ*. Имъ распѣта въ ирмологахъ большая часть богослужебныхъ пѣснопѣній, какъ то: нѣкоторыя літургійныя пѣснопѣнія, всѣ ирмосы, стихиры воскресны, богородичны, догматики и на стиховиѣ, антифоны, *подобны* стихиръ и большая часть праздничныхъ пѣснопѣній.

Юго - западные ирмологи составлялись, распѣвались и переводились на квадратную нотопись независимо отъ великорусскихъ толкованій, исправленій и преобразованій русскаго церковнаго пѣнія, послѣдовавшихъ въ XVII вѣкѣ и въ разобщеніи съ великорусскими мастерами церковнаго пѣнія. Отсюда естественно, что знаменные напѣвы, въ нихъ заключающіеся, имѣютъ свою особую редакцію. Что же это за редакція, какова она сама по себѣ и въ какихъ отношеніяхъ находится къ старымъ *хомовымъ* и *Іосифовскимъ* изложеніямъ *столового* пѣнія, къ *истиннорпчиному* изложению А. Мезенца и, наконецъ, къ нотно-линейнымъ великорусскимъ переводамъ XVII и XVIII вѣка?

Въ статьѣ I мы высказали предположеніе, что великорусская и юго-западная редакціи столового пѣнія съ XVII вѣка иногда значительно разнятся между собою, но имѣя общимъ источникомъ пѣвчія безлинейныя книги XV и XVI вѣка, должны быть близки за это время между собою и потому взаимно пояснять себя, равно какъ и безлинейную древне-русскую нотопись. Теперь, благодаря 14-ти сравнительнымъ таблицамъ, приложеннымъ къ изданію г. Смоленскаго: «Азбука знаменного пѣнія старца А—ра Мезенца» (Казань, 1888 г.), мы решительно утверждаемъ это на основаніи фактическихъ данныхъ, выясненныхъ чрезъ подробное сопоставленіе мелодическихъ строкъ ирмологовъ юго-западной редакціи съ 83-мя строками Мезенцевой «Азбуки» и иныхъ безлинейныхъ и линейныхъ изложеній, помѣщенныхъ въ вышеупомянутыхъ таблицахъ.

И прежде всего сличеніе мелодическихъ строкъ показываетъ, что юго-западные ирмологи какъ въ мелодіи, такъ и въ текстѣ пѣснопѣній, имѣютъ одну, въ общемъ весьма сходную, редакцію, различающуюся въ разныхъ пѣвческихъ

изданіяхъ и рукописяхъ незначительными подробностями, между тѣмъ какъ великорусскія пѣвческія книги и между собою, и со старыми *хомовыми* книгами въ томъ и другомъ отношеніи представляютъ гораздо болѣе разностей. Вообще въ Великой Россіи введеніе въ церковно-пѣвческія книги около половины XVII вѣка *киноварныхъ помѣтъ* Шайдурова было подробнымъ, но довольно своеобразнымъ толкованіемъ старыхъ крюковыхъ знаменъ и мелодій. Оно предупреждало разночтенія знаменъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣняло и самые знаки и ихъ значеніе. Оно сопровождалось замѣненіемъ многихъ прежнихъ тушевыхъ знаменъ иными, сходными съ ними по значенію старыми же, и даже частію употребленіемъ новыхъ знаменъ, прежде неизвѣстныхъ¹⁾. Это обстоятельство должно было разобщить великорусское чтеніе мелодій со второй половины XVII вѣка не только съ юго-западными чтеніями, но и со старыми великорусскими, напр., *хомовыми* съ конца XV вѣка. Исправленія комиссіи 1667 года также не ограничивались приведеніемъ только текста къ «*истиннорпчю*», но касались и знаковъ, и мелодіи, хотя и утверждались главнымъ образомъ на *киноварныхъ помѣткахъ*. Это доказываетъ «Азбука» Мезенца, и въ мелодическихъ строкахъ и въ знакахъ нерѣдко отступающая отъ прежнихъ знаменныхъ изложеній. Позднѣйшія нотныя изложенія основываются на исправленіяхъ упомянутой комиссіи, но по мѣстамъ также допускаютъ разности съ ними, равно какъ и между собою²⁾. Вообще же знаменные книги съ *помѣтами* и *признаками* и нотныя великорусскія переложенія можно считать принадлежащими къ одной общей *истиннорпчиной* редакціи, которая значительно отдѣлялась отъ прежней *хомовой* или *раздѣльнорпчиной* редакціи не въ текстѣ только и не въ количественномъ лишь примѣненіи мелодій къ *новому истиннорпчю*, но и въ мелодическомъ движеніи. Юго-западная же редакція знаменного пѣнія вышеозначенныхъ перемѣнъ не испытала. Она не приняла киноварныхъ помѣтъ и чтенія Шайдурова. На юго-западѣ Россіи неизвѣстны были

¹⁾ См. г Смоленскаго „Азбука знам п. А. Мезенца“, сравнительныя таблицы

²⁾ Срав. напр. задостойники знам. роспѣва по изложенію *Обихода* и *Ирмолога сунодальныхъ* изданій.

ни труды Мезенца, ни великорусские опыты переложений знаменныхъ мелодій съ крюковъ на ноты. Южноруссы имѣли уже свои нотно-линейные устоявшіяся, а съ 1700 года издаваемыя печатно, переложенія, въ которыхъ они держались усвоенного ими издавна чтенія знамень помимо вліянія великорусскихъ мастеровъ и йсправителей пѣнія.

Этими обстоятельствами главнымъ образомъ объясняется большая доля разностей между измѣнчивыми, сравнительно, великорусскими и болѣе устойчивыми юго-западными редакціями знаменного пѣнія въ теченіе новаго его истиннорѣчнаго периода. Но были и болѣе глубокія основанія для этихъ разностей. Это: недостаточная въ старину опредѣленность безлинейнаго обозначенія столповыхъ мелодій, свобода ихъ исполненія и существовавшія до киноварныхъ помѣтъ и нотныхъ знаковъ разночтенія старой крюковой семеографіи. Старая крюковая знамена служили лишь намеками на мелодію, сохраняемую пѣвческимъ обычаемъ и памятью пѣвцовъ, осязательной же наглядности и точной опредѣленности не имѣли, а потому естественно въ исполненіи получали разности въ мелодическихъ подробностяхъ, зависящія отъ вкуса и умѣнья пѣвцовъ и отъ мѣстнаго обычая въ пѣніи. Старорусскіе пѣвцы, какъ и греческіе, при употребленіи исона (*ισον*), въ развитіи темы напѣва, обозначаемой крюками, пользовались полной свободою голосоведенія и были не воспроизводителями только записаннаго, а вмѣстѣ нѣкоторымъ образомъ и творцами выпѣваемой ими мелодіи. Пѣвческія знамена указывали имъ лишь общее движение напѣва, главные его пункты и его предѣлы, протяженность же тѣхъ или другихъ звуковъ и даже ихъ высота, равно какъ отдѣльные мелодические обороты и ихъ варьированіе, украшеніе и подголоски зависѣли отъ желанія, вкуса и вдохновенія пѣвцовъ. Но эти то обстоятельства и повели къ разночтеніямъ однихъ и тѣхъ же знаковъ и къ размноженію распѣвовъ, построенныхъ на одномъ и томъ же основаніи. Этими же обстоятельствами должно объяснить и наибольшую долю разностей между великорусскими и юго-западными редакціями одного и того же старого знаменного роспѣва. Такимъ образомъ, какъ великороссійскія редакціи старого знаменного пѣнія, такъ и южно-русскія, имѣя одни и тѣ же основанія, имѣютъ и

одинаковое право на свое существование и въ отношеніи правильности напѣвовъ сохраняютъ одинаковое достоинство.

Съ размноженіемъ разночтений открылись въ церковно-пѣвческой практикѣ большія неудобства: разность и нестройность въ пѣніи, разногласія и споры пѣвцовъ¹⁾. Потребовалось болѣе точное и подробное обозначеніе мелодіи пѣвческими знаками. Въ Великой Россіи Богъ открылъ Шайдурову разумѣніе древнихъ столповыхъ напѣвовъ и средство уяснить ихъ *киноварными помпѣтками*²⁾, а Мезенцу тушевыми *признаками*, но въ то же время не скрыть сего разумѣнія и отъ юго-западныхъ мастеровъ церковнаго пѣнія³⁾, какъ не скрываетъ и отъ всякаго изслѣдователя, съ чистою мыслію, безпристрастнымъ сердцемъ и истиннымъ благочестіемъ углубляющагося въ смыслъ напѣвовъ и въ «тайногласовое» знаменное письмо. Средствомъ же къ истолкованію древнихъ знаменъ для нихъ послужили линейные нотные знаки, получившіе по своему происхожденію название *кіевскаго знамени*. Знаки эти имѣютъ близкую аналогію съ великорусскими киноварными *помпѣтами* и тушевыми *признаками*. Они появились одновременно съ изобрѣтеніемъ *помпѣтъ* Шайдурова, т.-е. въ концѣ XVI вѣка, возникли по однімъ и тѣмъ же съ ними побужденіямъ: изложить мелодіи въ болѣе ясномъ и опредѣленномъ видѣ,— имѣли съ ними одинаковое значеніе, какъ толкованія мелодіи съ измѣненіемъ и самыхъ знаменъ, одинаково съ ними употреблялись первоначально лишь въ школахъ и въ школьніхъ пѣвческихъ книгахъ и, наконецъ, одновременно же съ ними и тушевыми *признаками*, около половины XVII вѣка, вошли въ употребленіе и въ пѣвчихъ богослужебныхъ книгахъ. Такимъ образомъ, на юго-западную линейную нотопись мы должны смотрѣть совершенно такъ же, какъ на киноварныя *помпѣты* и тушевые *признаки*, т.-е. какъ на современное имъ и параллельное южно-русское толкованіе древне-русскихъ церковныхъ мелодій. Нотные юго-западные переводы представляютъ собою не новое пѣніе и не искаженное, а лишь особую параллельную вели-

1) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 75, 162.

2) Тамъ же, стр. 159.

3) О некоторыхъ юго-западныхъ мастерахъ церк. пѣнія около 1700 г. см. „Церк. пѣніе въ Россіи“, Разумовскаго, стр. 87.

корусской вѣтви того же древняго знаменнаго пѣнія, по крайней мѣрѣ XV и XVI вѣка, и, слѣдовательно, новый ключъ къ объясненію знаменныхъ напѣвовъ того времени.

Междудѣмъ, сравненіе юго-западныхъ пѣвческихъ книгъ съ таковыми же великорусскими и мелодическихъ строкъ съ строками, изложенными въ таблицахъ г. Смоленского, выясняетъ и нѣкоторыя частныя свойства юго-западнаго столпового пѣнія сравнительно съ пѣніемъ великороссійскимъ. Именно: юго-западные ирмологи, какъ по своему содержанію и тексту, такъ и по мелодіи, ближе стоять къ группѣ хомовыхъ крюковыхъ книгъ, бывшихъ во всеобщемъ употребленіи въ Россіи съ XV вѣка до патріарха Филарета, чѣмъ къ группѣ такихъ же книгъ съ помѣтами и признаками, а равно и линейныхъ великорусскихъ изложений, на нихъ основанныхъ. Послѣдняя группа великороссійскихъ книгъ представляеть собою, какъ выше сказано, одну общую, довольно своеобразную и отдаленную отъ хомовыхъ изложений редакцію. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мы видимъ распѣтыми тѣ же ирмосы, какіе содержатся и въ хомовыхъ знаменныхъ книгахъ, и наоборотъ, въ нихъ нѣтъ тѣхъ же ирмосовъ, какихъ нѣтъ и въ хомовыхъ книгахъ, и которые вошли въ составъ ирмологовъ лишь съ установлениемъ *новаго истиннорѣчія*, т.-е. ирмологовъ Іосифовскаго, Мезенцева и Сунодальнаго. Такъ, на юго-западѣ Россіи неизвѣстны цѣлыхъ 20 номеровъ ирмосовъ, приведенныхъ въ качествѣ примѣровъ въ числѣ 83-хъ строкъ въ «Азбукѣ» Мезенца, каковыхъ ирмосовъ нѣть и въ хомовыхъ и въ болѣе древнихъ крюковыхъ ирмологахъ¹). Текстъ пѣснопѣній юго-западныхъ ирмологовъ значительно разнится въ подробностяхъ редакціи съ новымъ *истиннорѣчіемъ* текстомъ книгъ великорусскихъ, но и въ оборотахъ рѣчи, и въ архаизмахъ и частію въ *хомонії* весьма близокъ къ тексту ирмологовъ времени патріарха Филарета и ранѣе. Упомянемъ обѣ употребленіи двукратнаго «аллилуїа», а также словъ: *сия же пучина* вм. «чермный же понть», *оцисти* вм. «очисти», *Іисѹсъ, Іисусови, денесъ, днити* вм. «отроцы» и проч.²)

1) Въ нихъ нѣть именно ирмосовъ, находящихся у Мезенца подъ № 6, 8, 11, 12, 16, 17, 24, 27, 28, 40, 53, 54, 55, 57, 65, 66, 73, 76, 77 и 78.

2) Въ статьѣ I см. и другіе старые слова и обороты рѣчи.

Изложение знаменныхъ мелодій въ юго-западныхъ ирмологахъ также весьма сходно съ изложеніями древнѣйшими временъ не только А. Мезенца, но и патр. Іосифа. Въ доказательство этого можно было бы привести множество мелодическихъ строкъ и оборотовъ, но ограничимся немногими указаніями по таблицамъ г. Смоленскаго, приложеннымъ къ «Азбукѣ» Мезенца. Въ юго-западныхъ ирмологахъ сравнительно съ *хомовыми* нѣть ни сокращеній, ни распространеній; основная ноты, общее мелодическое движение, размѣръ, ударенія, дѣленіе на строки, соблюдаются въ точности тѣ же самыя. Большая часть частныхъ мелодическихъ оборотовъ также буквально сходна. Стоить изъ любопытства сравнить мѣста, приведенные въ «Азбукѣ» Мезенца подъ №№ 1, 3, 14, 15, 18, 20, 32, 33, 39, 41 и 56 съ изложеніемъ ихъ въ юго-западныхъ ирмологахъ. Въ послѣднихъ мелодія по большей части сходна съ *хомовыми* изложеніями и только частію съ Іосифовскимъ, но никакъ не съ новыми *истиннорѣчными*; и только дробные переливы голоса въ промежуткахъ между звуками, опредѣляющими мелодію, переливы, какъ и звуки вѣтра или плещущей волны, не поддающиеся точной помѣтѣ какими бы то ни было знаками, ноты вспомогательныя и проходящія¹⁾, малыя украшенія и подголоски, разнятся, доказывая тѣмъ лишь то, что переводъ столповыхъ напѣвовъ съ старыхъ крюковыхъ знаменъ на линейныя ноты на юго-западѣ Россіи происходилъ самостоятельно, безъ сношеній съ великорусскими мастерами и исправителями церковнаго пѣнія и виѣ всякаго ихъ вліянія.

Различіе, которое существуетъ между нотно - линейными юго - западными ирмологами съ *хомовыми* великорусскими пѣвчими книгами, незначительно и располагаетъ къ благопріятнымъ сужденіямъ о юго-западномъ изложеніи *столповаго пѣнія*. Въ юго-западномъ церковномъ пѣніи, повидимому, не было рѣзкаго перехода отъ *древняго истиннорѣчія* къ *хомоніи* и отъ этой послѣдней къ *новому истиннорѣчію*. *Хомонія* возникала тамъ незамѣтно и не достигла своего крайняго развитія, какъ это было въ Великой Россіи. И наоборотъ, въ пѣніи южноруссовъ не было такого

¹⁾ См. „Азбуку Мезенца“, изслѣдованіе г. Смоленскаго, стр. 53, 129 и 131.

быстрого и рѣзкаго перехода отъ *хомоніи* къ новому истинно-норичію, какой былъ въ Великой Россіи. Упрековъ юго-западнымъ пѣвцамъ за употребленіе *аненайковъ*, *хабувъ* и *ахатей* мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ XVII вѣка. Извѣстныя намъ юго-западныя нотно-линейныя рукописи чужды этихъ древнихъ украшеній, ставшихъ впослѣдствіи недостатками. Весьма естественно, что соприкосновеніе юго-западнаго русскаго пѣнія съ западно-европейскимъ и юго-славянскимъ въ періодъ разъединенія Юго-Западной Руси отъ Руси Московской оградило юго-западное пѣніе отъ вышеозначенныхъ недостатковъ; разъединеніе же Великой Россіи отъ прочей Европы, непріязненность ея къ Западу и опасенія, а съ другой стороны церемоніальность патріаршаго служенія были причинами, способствовавшими умноженію и систематизированію этихъ недостатковъ. И наоборотъ, въ Великой Россіи, въ безлинейныхъ рукописяхъ и нотно-линейныхъ переводахъ знаменаго пѣнія второй половины XVII и XVIII в. мы уже всюду видимъ *новое истинно-норичіе*, между тѣмъ, какъ во всѣхъ разматриваемыхъ нами юго-западныхъ ирмологахъ нѣкоторые слѣды *раздѣльноричія* или *хомоніи* сохраняются не только во второй половинѣ XVII вѣка, но и въ XVIII вѣкѣ.

Что касается собственно *нотнаго* изложенія древнихъ мелодій, то и оно въ юго-западныхъ ирмологахъ сравнительно съ великороссійскими переводами имѣть также нѣкоторая преимущества. Обыкновенная квадратная нотопись, на которую перелагали у насъ съ крюковъ *столловые напѣвы*, слишкомъ проста, элементарна и недостаточна знаками, чтобы замѣнить многосложное и многознаменательное безлинейное *столовое знамя*, обозначающее не только высоту и длительность звуковъ, но и мелодическій составъ напѣвовъ и ихъ ритмическихъ свойства, каковы: средняя остановки въ мелодіи, направленіе и сила удареній и т. п.¹⁾. Но великорусские перелагатели напѣвовъ, кромѣ того, не скоро и не легко усвоили непривычное имъ *kievskое знамя* и располагали имъ несвободно. Къ сему иногда присоединялись: произвольный, безъ достаточной критики, выборъ напѣвовъ и произвольные сокращенія мелодій, а также и ошибки, недоумѣнія или даже небрежности. Юго-западные

1) Тамъ же, стр. 96⁵, 25 и др.

нотно-линейные ирмологи писались и печатались тщательнее великорусскихъ и заключаютъ въ себѣ менѣе произвола и ошибокъ. Въ нихъ не встречается знаменныхъ напѣвовъ, обозначаемыхъ словомъ *произволъ*; мелодіи *столповаго пѣнія* (за исключеніемъ Ирмолога 1700 г.), излагаются во всей ихъ полнотѣ и безъ сокращеній даже въ украсительныхъ *ѳитныхъ лицахъ*; гаммы знаменного пѣнія и пониженнаго на кварту *кіевскаго* не смѣшиваются, какъ это мы видимъ въ великорусскихъ изданіяхъ, но различаются систематически. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мы находимъ болѣе нотныхъ знаковъ, чѣмъ въ великорусскихъ книгахъ квадратной нотописи; встрѣчаються разныя размѣры нотъ, болѣе точно соотвѣтствующіе размѣрамъ и строенію безлинейной системы. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ рукописныхъ юго-западныхъ ирмологахъ (напр. въ Ирмологѣ 1652 г.), встрѣчаются надъ словами текста, въ видѣ дыханій и разновидныхъ удареній, особые значки, показывающіе, очевидно, *силу и направленіе* удареній въ мелодіи. Значки эти имѣются не на каждомъ словѣ текста, отличаются своимъ начертаніемъ отъ дыханій и удареній въ словахъ и очень часто не совпадаютъ съ ними, а наконецъ, нерѣдко на одномъ и томъ же словѣ поставляются по нѣсколько кряду (напр. *воспѣвашеся, Господеви, врага* и т. п.), что и служить признакомъ ихъ особаго пѣвческаго значенія. Значки эти, какъ и *киноварныя помѣты*, очевидно, не нашлось возможности ввести въ печатныя нотныя изданія. Наконецъ, до послѣдняго времени въ великороссійскихъ нотныхъ книгахъ не было знаковъ, обозначающихъ *среднія совершенныя и несовершенныя окончанія* въ мелодіи, какъ будто напѣвы *столповаго пѣнія* не дѣлятся на мелодическія строки, а равно и скобъ, сокращающихъ, по желанію пѣвцовъ, *ѳитныя лица*; между тѣмъ какъ въ Ирмологѣ 1652 года *среднія окончанія* ясно обозначаются знакомъ *двойнаго такта* (\equiv), подобнымъ по начертанію безлинейному знаку *статья простая* (=), служившему для той же цѣли; въ печатномъ Львовскомъ Ирмологѣ 1709 года протяженныя мелодіи *ѳиты* поставлены въ скобахъ¹⁾. На-

1) Въ послѣднихъ, исправленныхъ синодальныхъ изданіяхъ знаменного роспѣва, Москва, 1888 г., мы видимъ уже и дѣленіе напѣвовъ на мелодическія строки и отдѣленіе *ѳитныхъ* мелодій скобами.

чальные ключевые знаки въ юго - западныхъ ирмологахъ также имѣютъ особыя начертанія, которыя ясно различаются отъ черной ноты (чвартки), служащей ключемъ въ великороссийскихъ изданіяхъ, что также предупреждаетъ сбивчивость въ пѣніи. О другихъ особенностяхъ юго - западныхъ ирмологовъ будетъ сказано ниже.

Вообще, юго-западные нотно - линейные ирмологи тщательнѣе, полнѣе, систематичнѣе и практичнѣе передаютъ содержаніе безлинейныхъ пѣвческихъ книгъ *столпового* пѣнія, чѣмъ нотно-линейныя же книги великорусскія.

Дополнительные напѣвы греко-славянского происхожденія. Вторымъ основаніемъ пѣнія юго - западной Православной Церкви было пѣніе греческое и болгарское. Обращеніе южно-руссовъ къ этому источнику церковнаго пѣнія весьма естественно и разумно. Церковное пѣніе тѣсно соединено съ богослужебными пѣснопѣніями и чиномъ богослуженія, опредѣляемымъ церковнымъ уставомъ и богослужебными книгами. Богослужебныя же книги и уставъ, а съ ними и церковное пѣніе, получены Россіею изъ Греціи и Болгаріи. Поэтому, какъ при исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, такъ и при исправленіи церковнаго пѣнія, всего естественнѣе и надежнѣе было обращаться къ ихъ первоисточникамъ, т.-е. къ тѣмъ древнимъ и благоустроеннымъ церквамъ, отъ которыхъ они получены были вначалѣ. Обращеніе южно-руссовъ къ этимъ источникамъ, однакоже, не отстранило древне-русскаго пѣвческаго преданія и обычаи и не преобразовывало существующаго на юго-западѣ Россіи церковнаго пѣнія, а только дополняло его; ибо древне-русское церковное пѣніе было основано на древне-греческомъ и имѣло всѣ свойства истинно богослужебнаго пѣнія, но своимъ объемомъ не вполнѣ соотвѣтствовало предписаніямъ церковнаго Устава и богослужебныхъ книгъ и нуждалось не столько въ преобразованіи, сколько въ дополненіяхъ. Южно-руssы въ *столповомъ* пѣніи высоко цѣнили древннее преданіе русской Церкви и сохранили его неприкосновеннымъ, но дополнили недостающее въ немъ роспѣвами греческимъ и особенно болгарскимъ.

Ближайшими поводами, а равно и путями къ заимствованію юго-западною Церковью греко-славянскихъ роспѣвовъ служили ея близкія и частныя сношенія съ константино-

польскою и славянскими Церквами. Нѣкоторые монастыри и даже епархіи Юго-западной Россіи были, какъ извѣстно, въ вѣдѣнії Константинопольского патріарха. Константинопольскіе патріархи учреждали на юго-западѣ Россіи православныя братства и давали нѣкоторымъ монастырямъ права ставропигії¹⁾, своимъ распоряженіями и увѣщаніями содѣйствовали благоустройству іерархіи и храмовъ, укрѣпляли православныхъ въ борьбѣ за вѣру и утѣшали въ скорбяхъ и напастяхъ; сами посѣщали юго-западную Церковь и личнымъ своимъ присутствіемъ благоустроили ону; снабжали монастыри и храмы святынею²⁾). А потому южно-руссамъ не мало представлялось поводовъ къ заимствованію греческаго пѣнія и случалось усвоить оное. О непосредственномъ заимствованіи юго-западною Церковію пѣнія отъ грековъ, впрочемъ, нѣть положительныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ. За неудобствами прямыхъ тогда сношеній съ константинопольскими церквами, въ самой Греціи находящимися подъ властію турокъ, южно-руssы изучали греческое пѣніе въ прилегающихъ къ нимъ земляхъ славянъ придунаїскихъ. Такъ, въ половинѣ XVI вѣка братства Львовское и Перемышльское посылали своихъ дьяковъ въ Молдавію для изученія напѣвовъ греческаго и сербскаго³⁾). Можетъ быть, это обстоятельство, сопровождаемое не обильнымъ заимствованіемъ греческаго роспѣва и мѣстнымъ его употребленіемъ, и служить причиною того, что въ юго-западныхъ ирмологахъ мы не встрѣчаемъ пѣснопѣній съ надписями греческаго (или грекаго) напѣлу. Роспѣвъ этотъ, чрезъ заимствованіе не изъ первыхъ рукъ и передѣлки примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ въ пѣніи, могъ утратить часть своихъ свойствъ и смѣшаться съ мѣстными славянскими напѣвами.

Гораздо болѣе мы встрѣчаемъ свидѣтельствъ о заимствованіи юго-западною Церковію напѣвовъ отъ славянъ при-

1) Такъ Львовское братство учреждено патр. Іоакимомъ въ 1586 г. и возведено, какъ и Виленское, въ ставропигію патр. Іеремію. Были нѣкоторое время и другіе ставропигіальные братства: Луцкое—Крестовоздвиженское, Кіевское—Богоявленское, Слуцкое—Преображенское, лишенные своихъ преимуществъ въ 1626 г. См. Чистовича, ч. 2, стр. 321. О преимуществахъ ихъ настоятелей—архимандритовъ, тамъ же, стр. 186.

2) Греческій митрополитъ Неофітъ въ 1559 году принесъ въ Почаевскую Успенскую церковь чудотворную икону Богоматери. Тамъ же, стр. 276.

3) См. „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 176.

дунайскихъ. Еще въ XV вѣкѣ Киевскимъ митрополитомъ былъ приглашенъ въ Россію знатокъ церковнаго пѣнія игуменъ сербской Дечанской обители Григорій Симвлахъ. Въ XVI вѣкѣ для изученія славянскихъ роспѣвовъ посылались братствами въ славянскія земли, какъ выше сказано, дьячки. О сношеніяхъ русской Церкви съ сербскою во второй половинѣ XVII вѣка свидѣтельствуетъ пребываніе въ Москвѣ вмѣстѣ съ восточными святителями и митрополита Сербскаго. Но для юго-западной Церкви былъ и другой путь къ заимствованію юго-славянскихъ роспѣвовъ, это аѳонскіе монастыри. Въ нихъ, по свидѣтельству Барскаго, были употребительны и *сербское и болгарское пѣніе*¹⁾. Юго-западная же Церковь въ началѣ XVII вѣка имѣла живыя и дѣятельные сношенія съ Аѳономъ, имѣвшія цѣллю устроеніе монастырей, чина церковнаго и монастырской жизни по образцамъ аѳонскимъ²⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоила, конечно, и славянскіе напѣвы аѳонскихъ монастырей. Фактъ заимствованія юго-западною Церковью юго-славянскихъ роспѣвовъ подтверждается и юго-западными ирмологами, въ которыхъ имѣются эти роспѣвы и легко отличаются отъ другихъ какъ своимъ построениемъ, такъ и названіями. Въ нихъ мы находимъ *сербскій кинопикъ* (причастный стихъ) и полное *осмогласіе болгарскаго* роспѣва.

Но и эти роспѣвы въ клиросной практикѣ русской Церкви имѣли значеніе лишь дополнительныхъ роспѣвовъ и потому ограниченное и при томъ временное употребленіе. Въ юго-западныхъ ирмологахъ *сербскій* роспѣвъ встрѣчается весьма рѣдко и въ клиростной практикѣ скоро выходитъ изъ употребленія. Напѣвы же *болгарскаго* роспѣва, хотя известны были въ Россіи въ разнообразныхъ видахъ и въ приложеніи ко многимъ пѣснопѣніямъ, но въ юго западныхъ ирмологахъ имѣютъ сравнительно съ *столповымъ* пѣніемъ весьма ограниченное употребленіе; именно, они прилагаются главнымъ образомъ къ пѣнію тропарей и сѣдальныхъ пѣснопѣній, поемыхъ «на Богъ Господь». Пѣснопѣнія эти, особенно тропари и кондаки, распѣвались нѣкогда гречес-

1) Тамъ же, стр. 174—176.

2) По образцу аѳонскихъ монастырей былъ устроенъ между прочимъ Онуфріевскій монастырь и другіе. См. „Очеркъ исторіи западнорусской Церкви“, И. Чистовича. Ч. 2. Спб. 1884 г., стр. 300.

кимъ роспѣвомъ, заключающимся въ древнихъ кондакаряхъ, но затѣмъ утратили свои полные напѣвы и въ *столповомъ* пѣніи имѣли лишь распѣтыми концы, или же и вовсе не пѣлись. Между тѣмъ по указанію богослужебныхъ книгъ они должны быть пѣты сполна. Это и было важною причиною дополнить южно-русское богослужебное пѣніе роспѣвомъ *болгарскимъ*. Кромѣ того *болгарскій* роспѣвъ въ Россіи имѣлъ и употребленіе временное. Распространившись сначала быстро по всей Россіи, онъ скоро вытѣсненъ повсюду роспѣвомъ *греческимъ*, введеннымъ патріархомъ Никономъ при посредствѣ діакона Мелетія, каковой роспѣвъ и примѣненъ нынѣ къ пѣнію тропарей и другихъ пѣснопѣній, распѣвавшихся въ XVII вѣкѣ роспѣвомъ *болгарскимъ*. Изъ напѣвовъ *болгарского* роспѣва нынѣ и въ Великой и въ Малой Россіи извѣстны лишь весьма немногіе.

Сохраняетъ ли *болгарскій* роспѣвъ свойства истиннаго богослужебнаго пѣнія и связь съ пѣніемъ древней восточной Церкви? Свойства *болгарскаго* роспѣва большею частію объяснены нами выше. Остается нѣсколько долѣе остановиться на музыкальномъ его размѣрѣ, т. е. на его *ритмѣ* и *тактѣ*, каковыя свойства, повидимому, не свидѣтельствуютъ о его древнемъ, восточномъ происхожденіи, такъ какъ они составляютъ, такъ сказать, необходимый элементъ позднѣйшаго церковнаго пѣнія и всѣхъ мірскихъ и церковныхъ музыкальныхъ произведеній Запада.

Тактъ состоить въ распределеніи нотъ различной продолжительности въ ровные малые отдельы съ извѣстнымъ, однообразнымъ послѣдованіемъ удареній, *ритмъ*—въ правильномъ же распределеніи и взаимномъ соотвѣтствіи большихъ отдельовъ, каковы: музыкальные строки (или предложения) и ихъ члены. Музыкальный размѣръ *ритма* и *такта* вполнѣ соотвѣтствуетъ такому же размѣру стихотворной рѣчи, именно *тактъ*—мѣрному расположению *стопъ* стиха, а *ритмъ*—симметрическому послѣдованію самыхъ стиховъ. Современные намъ стихотворныя произведенія заключаютъ въ себѣ оба эти элемента, но элементы эти не чужды и стихосложенію древнихъ народовъ, которое основывается на нихъ же. Въ еврейскомъ стихосложеніи мы видимъ *біблейскій параллелизмъ* членовъ рѣчи, что и составляетъ его *ритмъ*; въ древней до-христіанской Греціи находимъ

съ одной стороны правильный и при томъ разновидный размѣръ *стопъ* (напр., гекзаметръ, ямбъ и др.), а съ другой—симметрію стиховъ или ритмъ, хотя и не видимъ еще вполнѣ правильной разработки послѣдняго. Стихотворныя произведенія у древнихъ пѣлись при сопровожденіи какого либо музыкального инструмента (псалтири и гуслей у евреевъ, цитры у грековъ) и необходимо имѣли мелодію точно также размѣренную, т. е. заключали въ себѣ *ритмъ* и *тактъ*. Многія христіанскія пѣснопѣнія византійского происхожденія также писаны стихометрически и слѣдовательно заключали въ себѣ тѣ же музыкальные элементы, и только прозаическія произведенія и переводы на иные языки не сохраняли строгой соразмѣрности мелодического движенія, хотя также не совершенно чужды оной. Ибо весьма часто и нынѣ мы видимъ въ *столповомъ* пѣніи, при его *несимметричномъ* или *словесномъ* *ритмѣ*, слѣды симметріи въ расположениіи мелодическихъ строкъ и даже музыкальныхъ въ нихъ оборотовъ, напр., парная сочетанія *предшущаго* и *послѣдующаго*, буквальное повтореніе мелодіи параллельныхъ мѣстъ, симметрію даже *членовъ* въ музыкальныхъ *предложеніяхъ* и т. п. Въ знаменныхъ напѣвахъ нѣть только *такта*, соотвѣтствующаго *стопамъ* мѣрной рѣчи; нѣть однообразнаго построенія мелодическихъ периодовъ и строго правильной ихъ послѣдовательности, такъ какъ и самій текстъ пѣснопѣній, обращенный въ прозу, утратилъ свойства мѣрной рѣчи. Но въ позднѣйшихъ роспѣвахъ, особенно же въ композиціяхъ по западнымъ образцамъ, свойства симметричнаго *ритма* и *такта* выражаются весьма ясно и отчетливо.

Трудно объяснить присутствіе въ *болгарскомъ* роспѣвѣ правильного симметричнаго *ритма* и *такта*. *Болгарскій* роспѣвъ могъ заимствовать эти свойства изъ восточной древности, т. е. изъ симметрическаго стихосложенія текста и сопровождающихъ его напѣвовъ, могъ быть видоизмѣненъ и подъ вліяніемъ западной музыкальной науки, но во всякомъ случаѣ *ритмическія* его свойства не только не противны духу православія, но и вполнѣ согласны съ церковною древностью, ибо возстановляютъ въ мелодіи древле-греческую симметрію церковнаго пѣсносложенія, утраченную въ нашей переводной прозѣ.

Мѣстный элементъ и западныя заимствованія въ юго-западномъ церковномъ пѣніи. Вообще юго-западное церковное пѣніе твердо опирается на началахъ и преданіи Православной Восточной Церкви, т. е. древне-русской, греческой и Церкви славянъ придунайскихъ, каковыя начала и преданіе и противопоставляетъ началамъ и преданію церквей инославныхъ западныхъ. Но оно, какъ и всякое другое пѣніе, не чуждо элементовъ мѣстнаго вкуса и творчества, а по связи мѣстныхъ условій жизни съ западными, допускаетъ и нѣкоторыя заимствованія отъ Запада Европы. Мѣстный вкусъ и мѣстное творчество, какъ показываетъ исторія церковнаго пѣнія, присущи пѣнію каждого народа: церковное пѣніе въ разныхъ православныхъ мѣстахъ всегда бывало болѣе или менѣе различно¹⁾). Чуждые мотивы не могутъ выразить нашего душевнаго настроенія, мыслей и чувствъ, ибо у всякаго народа и племени свой характеръ и пѣсня своя. Съ другой стороны жертва человѣка отъ своихъ трудовъ, конечно, пріятнѣе Богу, чѣмъ заимствованная отвнѣ. Неимѣніе народомъ своихъ богослужебныхъ мотивовъ служило бы признакомъ или его религіозной холности, или же весьма низкой степени его культуры. Поэтому-то церковное пѣніе, если кѣмъ либо и когда либо и заимствовано отвнѣ, то всегда, удерживая заимствованыя основанія, перерабатывалось и принимало національный и даже мѣстный оттѣнокъ въ своемъ характерѣ и подробностяхъ. Древнее эллинское пѣніе во многомъ измѣнилось въ христіанской Византіи; пѣніе римской церкви основано на однихъ и тѣхъ же началахъ съ Церковью восточною, но приняло иной характеръ и направленіе; византійское пѣніе и его знамена видоизмѣнились въ земляхъ славянъ придунайскихъ и въ Россіи; мѣстные элементы русского церковнаго пѣнія обнаружились многочисленными и разнообразными мѣстными роспѣвами. То же было и на юго-западѣ Россіи. На ряду съ древнимъ *столповымъ* роспѣвомъ и крюковыми знаменами возникли тамъ *роспѣвъ кіевскій* и *кіевское знамя*. Но *кіевскій* роспѣвъ, какъ сказано выше (статья 1-я) основывается на томъ же древнемъ *столповомъ* пѣніи, имѣть съ нимъ въ своихъ свойствахъ

¹⁾ Отв. преп. Никифора на вопросы старообрядцевъ. Москва. 1821 г., л. 230—234.

большое сходство и затѣмъ заключаетъ въ себѣ весьма немного свойствъ самобытныхъ. А по всему этому роспѣвъ этотъ не долженъ быть предметомъ пререканій и тѣмъ болѣе поводомъ къ порицанію юго-западной Православной Церкви за измѣненіе будто бы древняго пѣнія и введеніе новаго. Это тотъ же древній знаменный роспѣвъ, только съ мѣстнымъ характеромъ, тотъ же роспѣвъ, но иной, юго-западной редакціи.

Иное явленіе представляютъ собою въ юго-западномъ церковномъ пѣніи тѣ или иные заимствованія чисто западнаго характера. Чтобы имѣть о нихъ понятіе и оцѣнить каждое по достоинству, должно различать въ юго-западной Церкви пѣніе *мелодическое*, одобряемое духовною властію для употребленія церковнымъ клиромъ, и пѣніе *партическое*, усвоенное братскими хорами пѣвцовъ. Въ пѣвческихъ братскихъ хорахъ XVII вѣка, устроенныхъ по образцамъ западныхъ хоровъ, утвердилось многоголосное пѣніе *по партесамъ*, которое располагалось на 4, 6 и даже 8 голосовъ и допускало къ исполненію композиціи, составленныя по образцамъ западнымъ. Это видно частію изъ нотныхъ памятниковъ и положительныхъ свидѣтельствъ того времени¹⁾, частію же изъ того пѣвческаго матеріала, который принесли съ собою въ Великую Россію юго-западные пѣвцы во второй половинѣ XVII вѣка. Это-то «многоусугубляемое пѣніе», а равно и соединенные тогда съ нимъ хоровые приемы исполненія и порицаются великокорусскими старообрядцами²⁾. Пѣніе это дѣйствительно не всегда основывается на древнемъ церковно-пѣвческомъ преданіи, не имѣеть и некоторыхъ свойствъ истиинно-церковно-богослужебнаго пѣнія и заключаетъ

1) Гербинія, Мелетія Смотрицкаго и др. Сн. „Церк. пѣя. въ Россіи“, прот. Разумовскаго, стр. 207—209.

2) Лазарь, облич. 16: Россіяне со временемъ патр. Никона „поютъ многое стихи ни по гречески, ни по славянски, согласіемъ органнымъ“; облич. 18: въ Херувимской пѣсни употребляются слово „призывающе, аки ко органомъ“. „Щить вѣры“, облич. 26: „пѣніе партическое новокіевское“ поютъ и проч.; облич. 70: „при обѣдахъ (семинаристовъ) устанавливаютъ музыкамъ быти“: въ облич. 71 говорится объ употребленіи музыки во время преній въ Москвѣ въ присутствіи духовныхъ лицъ. Въ „Поморскихъ Отвѣтахъ“ (отв. 50, ст. 22) и въ „Утвержденіи церкви“ (сказ. 21) говорится: „Отъ Никона патріарха нововнесеся въ Россію пѣніе новокіевское и партическое многоусугубленное, еже со воздвиженiemъ всея плоти, съ поклоненiemъ главы и съ помаваніемъ рукъ совершается“, каковое пѣніе противно 75 правилу 6-го Вселенскаго собора. Оправдженіе сего обличенія см. въ „Истинно-древней Церкви“, м. Григорія, ч. 2, п. 30.

въ себѣ элементы, чуждые церковности восточной Церкви и национально-славянского пѣнія¹⁾). Но партесные произведения никогда не входили въ составъ богослужебныхъ пѣвчихъ книгъ юго-западной Церкви и не были общепринятыми на ея клиросахъ, а составляли достояніе смѣшанныхъ пѣвческихъ хоровъ, находившихся въ исключительномъ положеніи и устраиваемыхъ обыкновенно при братскихъ школахъ. Партиесные произведения никогда не издавались отъ лица церкви, не одобрялись прямо духовною властію для клироснаго употребленія, а только допускались ею въ клиросной практикѣ въ виду современныхъ обстоятельствъ и потребностей, при томъ имѣли временное значеніе, такъ что со временемъ измѣнили свой первоначальный характеръ и нынѣ большею частію уже совершенно для насъ утрачены²⁾). Для клироснаго же употребленія въ монастыряхъ и приходскихъ церквяхъ духовною властію составлялись и распространялись (писались, а съ 1700 г. печатались) одноголосные пѣвчія книги, напр., *ирмологи*. Пѣніе, въ нихъ заключающееся, совершенно иное, чѣмъ въ хоровыхъ партиціяхъ того времени, такъ что ни упреки старообрядцевъ, ни характеристика *партисовъ*, занесенныхъ въ Россію въ XVII вѣкѣ, изложенная г. Смоленскимъ, къ нимъ не приложимы, и могутъ быть отнесены развѣ къ духовнымъ *кантатамъ* для домашняго и школьнаго употребленія и нѣкоторымъ только исключительнымъ хоровымъ композиціямъ для клироса.

Правда, и въ нотно-линейныхъ ирмологахъ есть нѣкоторые нововводные элементы западного происхожденія. Сюда относятся: нотно линейная семеографія, особый видъ пониженней на кварту діатонической гаммы, разнообразныя транспозиціи мелодій съ употребленіемъ *бемолярной* системы знаковъ, нѣкоторые новые приемы *модулированія* мелодій изъ одного лада въ другой, отсутствіе нѣкоторыхъ, употребительныхъ въ Великой Россіи, *малыхъ* украшеній знаменитаго роспѣва и употребленіе мѣстно любимыхъ интервалловъ (напр. *квинты*), варіантовъ и *попъвокъ*. Но эти нововведенія касаются лишь внѣшней стороны пѣнія, именно глав-

1) Ср. О кіевскомъ пѣніи по партесамъ „Общій очеркъ историч. и муз. значенія пѣвчихъ рукописей Соловецкой библіотеки“. Ст. Смоленскаго. „Правосл. Собесѣд.“ за 1887 г.

2) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 208.

нымъ образомъ способовъ *нотописанія* и частію мелодическаго *выраженія*, а не измѣняютъ коренныхъ свойствъ древняго церковнаго пѣнія и не пролагаютъ пути къ мотивамъ и мелодіямъ католического Запада. Они допущены въ юго-западной, а впослѣствіи и въ великорусской Церкви, въ видахъ усовершенствованія и практическихъ удобствъ пѣнія, а равно и удовлетворенія потребностямъ современниковъ. Ибо, держась древней традиціи, нельзя же вступить въ открытую борьбу противъ музыкальныхъ началъ, выработанныхъ и прочно поставленныхъ современною наукой, нельзя совершенно отвергать и мѣстные вкусы и привычные участникамъ въ богослуженіи и народу пѣвческие обороты и приемы. То и другое необходимо проявляется въ пѣвческой практикѣ само собою безъ всякаго искусственнаго или насильственнаго уставлениія. Рѣшительное и упорное отверженіе этихъ началъ, наконецъ, могло отозваться вредными послѣствіями для православія въ краѣ.

Что касается совмѣщенія въ клиросной пѣвческой практикѣ распѣвовъ разной конструкціи (столповаго, кіевскаго, болгарскаго) и наибольшаго приложенія осмогласнаго пѣнія къ богослуженію, то первое имѣть, какъ сказано выше, вполнѣ достаточныя основанія, второе же утверждается на предписаніяхъ церковнаго устава и богослужебныхъ книгъ. Церковь благолѣпно огласилась новыми напѣвами и пѣснопѣніями, но не измѣнила богослужебнаго чина. По крайней мѣрѣ изъ ирмологовъ не видно, чтобы вновь распѣваемая пѣснопѣнія: полгелей, тропари, сѣдальны, надгробное, антифоны страстей Господнихъ, пѣснопѣнія «на проклятие» ересь или «на умирение церкви» сопровождались какими-либо «незвыкlyми церемоніями». Большая часть этихъ пѣснопѣній и напѣвовъ усвоена впослѣствіи и великорусскою Церковію, но безъ всякихъ новыхъ обрядовъ и измѣненій въ порядкѣ и чинѣ богослуженія.

Да и самое партесное пѣніе юго-западныхъ братскихъ хоровъ, хотя основывалось на началахъ западно-европейской музыки, однако же не было слѣпымъ подражаніемъ пѣнію инославно-западному. Оно было скорѣе *мѣстнымъ произведеніемъ*, чѣмъ заимствованіемъ, скорѣе имѣло значеніе *гармонического украшенія* пѣнія восточной Церкви, чѣмъ его преобразованія по началамъ западнымъ. Этимъ

только и можно объяснить участие въ немъ народа вмѣстѣ съ хорами, засвидѣтельствованное Гербиниемъ, а равно и похвалу ему отъ іерарховъ Православной Церкви. Даже болѣе того, оно иногда нарочито поддерживалось и поощрялось духовною властію, чтобы противопоставить *бездушнымъ висканіямъ органнымъ* западной Церкви *пѣніе одушевленное*, и такимъ образомъ было немаловажнымъ средствомъ къ охраненію юго - западной паства отъ увлеченія хорошо знакомою ей церемоніальностю обрядовъ и привычными слуху красотами пѣнія и музыки западной Церкви. Въ этомъ же смыслѣ и съ подобною же цѣлью, какъ извѣстно, юго - западное партесное пѣніе допущено и патріархомъ Никономъ въ Великомъ Новгородѣ¹⁾), а затѣмъ рекомендовано имъ и введено и въ самой Москвѣ.

Такимъ образомъ, юго - западное церковное пѣніе, по крайней мѣрѣ заключающееся въ нотно-линейныхъ ирмологахъ XVII и XVIII вѣка, и по своему составу, и по происхожденію, и по своимъ свойствамъ, вполнѣ достойно употребленія на клиросахъ Православной Церкви, равно какъ и вниманія знатоковъ и читателей древнихъ роспѣвовъ, и только развѣ текстъ богослужебныхъ пѣснопѣній требуетъ исправленія, согласно съ великорусскими Синодальными изданіями.

¹⁾ Біографія патр. Никона, Шушерина.